

Напряжение

Автор:

Владимир Ильин

Напряжение

Владимир Алексеевич Ильин

Напряжение #1

В этом мире слово способно начать войну. Оно же остановит кровопролитие, будет гарантом мира и крепкого союза. Таковы правила: слишком много силы в крови одаренных, чтобы лжецам позволили существовать. Однако ложь все равно будет жить, свивая гнездо в сердцах самых честных и благородных, обволакивая страшные преступления красивыми словами, превращая подлость в великий подвиг. Будет предан забвению собственный сын, забыт и вычеркнут из родовой записи – ради великой цели, во имя исполнения пророчества. Княжеский род закроет на это глаза и разделит вину – плата достойна награды. Но у наследника именитых властителей, выкинутого в приют заштатного городка, найдется своя точка зрения.

Владимир Ильин

Напряжение

Автор благодарит писателя Н. А. Метельского за предоставленное разрешение использовать элементы мира из книг последнего

Пролог

Недобро смотрелась на небе сеть перистых облаков, подсвеченная огнями спящего города, – распахнувшаяся от горизонта до горизонта, она будто бы запирала миллионы горожан черно-серыми прутьями исполинской решетки. Не сбежать, не выпорхнуть. Впрочем, никто и не пытался. Наоборот – тысячи добровольных узников ежедневно прибывали в столицу, полные надежд навсегда остаться в сером, грязном узилище столицы... а если очень повезет – то и разменять свободу на служение тем, кто обитал в одном из сотен небоскребов-представительств, чьи вершины плыли над решеткой облаков. Аристо любили забираться повыше.

Тем же, кому не повезло родиться с гербом над колыбелью, предстоял длинный путь самосовершенствования, чтобы стать полезным высокородному господину. Уникальный навык и профессионализм, солидный опыт работы и огромная трудоспособность, верность и высокий боевой ранг – многое ценилось представителями династий, традиционно избиравших в служение лучших из лучших, и от претендентов не было отбоя. Дело не в деньгах или роскоши – истинный мастер своего дела, опытный специалист или сильный боец вряд ли испытывает потребность в финансах. Но только там, подле аристократа, была власть – крохи по сравнению с властью господина, однако даже эти крохи поднимали человека на недостижимую для остальных высоту. Ибо слуга аристо – левая его рука. А если простолюдина ударила левая рука аристократа – его удел терпеть, проглотив обиду и ярость.

Вот только слуга – еще и частица чести рода, так что истинным властолюбцам сворачивали шею сами хозяева. Чаще всего еще до того, как тот успевал посадить пятно на честь господина безобразным поступком. Впрочем, слуги были вполне довольны самим наличием огромной власти, уважением к статусу и защитой для себя и собственной семьи – уже ради этого стоило не щадить себя, работая по двадцать часов в сутки. Награда не заставит себя ждать – восхождение по иерархии слуг однажды завершится на самой вершине одного из родовых небоскребов. Что может быть лучше? Разве что право уйти на покой, оставив свое место детям – на одно поколение. Если те окажутся хотя бы на треть столь же способными, как родители, сытая жизнь им обеспечена – вместе с шансом основать династию слуг. Такое мало кому удавалось.

Пожалуй, личный референт князя Михаила Викентьевича Панкротова был к награде ближе остальных, четвертый десяток лет продолжая служить роду с верностью собаки – и со столь же крепкой хваткой, молодым на зависть. Выглядел он совсем не на свой возраст – высокий, поджарый, без намека

на старческие морщины на руках и лице.

Об уготованной награде референт даже не подозревал, продолжая преувеличенно бодро декларировать успехи клана. В последние полгода появилась у старика такая черта – сообщать плохие новости в самом конце, вываливая вперед тонны приятных фактов. Будто бы боялся гнева.

Впрочем, действительно важные вещи под это правило не попадали, так что в определение «плохое» входили мелочи, неприятные, но вполне терпимые, а уж на фоне перечисленных ранее успехов – так и вовсе пустяки. Тем не менее это не давало покинуть кабинет, отнимая от короткого сна князя, хозяина одного из сотен удельных княжеств огромной Империи, владельца заводов, корпораций и рудников, бесценные минуты. Был бы это другой день – ничего страшного, но последняя неделя обходилась вовсе без сна... а референт этого будто бы не замечал, продолжая тараторить бесполезную в общем-то информацию. Значит, пришло время менять, щедро одарив в пример остальным – не в этом году, так в следующем.

Князь вздохнул, стоя перед окном, сжал руки в замок за спиной и резко выдохнул, повелительной фразой, перебив референта:

– Еще что-нибудь?

К счастью, слуга понял его правильно и листнул сразу десяток запаянных в пластик прямоугольников отчета.

– Небольшие сложности под Каратобэ, господин. Семья Остер отступила вглубь нефтеперерабатывающего комплекса. Активные действия затруднены и грозят разрушением объекта, у противника два бойца ранга «учитель». Диверсионные отряды малоэффективны, противник отлично знает территорию. НПК – родовое предприятие Остер, господин.

Референт предупредительно замолчал, ожидая повеления своего главы. А тот не торопился отвечать, слегка скривившись от досады. Вот и причина, почему список восхвалений выдался на диво длинным – соразмерно ему и проблема. Ничего срочного, ничего важного. Просто предстоит решить: жить гордому семейству, не способному понять, что если не Панкратовы, то придут другие, или умереть. Не первый раз за эту неделю он решал чужую судьбу, и наверняка

не последний.

Война на юге страны вспыхнула без всякой подготовки, неожиданно. В том не было злого умысла или хитроумного планирования – иначе бы все действия были продуманы на пять шагов вперед отделом аналитики, а он бы не стоял, глядя на город и решая, что делать с остатками мертвого клана.

Просто старые владельцы обширных территорий слегка переоценили свои возможности, лишились двух бойцов ранга «мастер» и перестали существовать.

Сухо, емко, трагично – вполне достаточно, чтобы доходчиво объяснить любому, что улыбка симпатичной незнакомки в ночном клубе – совсем не повод тащить ее в свою машину. Даже если вы «мастер», как и ваш брат, а рядом одобрительно похохатывает охрана из двух «учителей». Потому как родовым умениям древних семейств в общем-то наплевать на ваш ранг и ранг свиты – главное, стойте компактно. Так что юная красотка перепугалась и сожгла двух идиотов вместе со свитой, машинами и половиной здания у дороги, а перепуганное заплаканным голосом семейство вырезало всех оставшихся наследников той же ночью – ни один из них не дотягивал до «мастера». К слову, были в своем праве и мести могли совершенно не опасаться – мстить уже некем, а вассальные рода клана не станут объявлять войну, защищая мерзкий поступок. Вот если бы кто-то из главного рода выжил, тогда да, клятва обязала бы исполнить волю господина... Быть может, потому всех и вырезали, методично, хладнокровно, заведомо приготовив версию об испуге за наследницу – так оно куда правдоподобнее. В общем-то не важно. Главное – одна-единственная глупость перечеркнула шесть столетий существования известной фамилии, а вместе с ней – и клана. Слабенького, малоуважаемого (с такими-то руководителями), но все-таки – клана: объединения родовых корпораций, спаянных клятвой главному роду. И без этого рода, пусть и плохонького, остальным в одиночку было просто не выжить.

Потому мгновенно возник вопрос – кому достанутся ныне бесхозные земли, с людьми, городами и производствами на них. Виновники гибели клана демонстративно отошли в сторону, показывая богатство рода, честь и гордость – мол, их вполне удовлетворила смерть обидчиков. Бывшие клановые рода медлили... думали, что все будет по-прежнему? Император глянул вполглаза и вернулся к выбору новой фаворитки.

Уловив настрой, в столице тут же принялись методично делить чужое, договариваясь, интригуя, собирая альянсы и вороша старые противоречия. К концу месяца все должно было обрести новых хозяев – без единого выстрела или всплеска силы. Солидные люди предпочитали воевать, заседая за длинными столами, выдвигая в наступление армии чисел банковских счетов, сотрясая воздух залпами криков о древности рода и перечислениями боевых рангов своей родни и вассалов. Мнение будущих жертв никого не интересовало – те сами похоронили себя промедлением.

Пока в столице кипели интриги, кочевали солидные суммы с одного счета на другой, гремели дуэли днем и шептали ночью фаворитки, Панкратовы с грацией топора перекинули на землю мертвого клана половину собственной армии. Пока остальные говорили, специалисты клана работали без сна и отдыха над тем, что принято деликатно называть «обеспечением лояльности». Выходило на удивление быстро и легко, практически без крови. Просто был один господин, а стал другой, и даже бремя налогов снизил – простые люди принимали изменения довольно спокойно, а аристократы даже рады были перейти под руку уважаемого клана – скопом, не теряя налаженных связей и цепочек производства. Больше их число, во всяком случае...

Так что когда в столице все поделят, внезапно окажется, что земли де-факто уже принадлежат Панкратовым – приняты присяги, развешены штандарты и гербы. Остальные, разумеется, будут недовольны. Разумеется, соберут бессмысленную говорильню и даже напишут письмо императору. И, само собой, утрутся. Потому что делить чужое – это одно, а воевать, оплачивая кровью и жизнями, – совсем другое. В столице разучились идти умирать, предпочитая посылать на смерть вассальные рода, наемников, должников, на худой конец – младшее поколение. А ведь этого не хватит, совсем не хватит – воевать придется не с хилыми родами Китая, промышлявшими набегами и контрабандой, не с вольницей Свободных земель, не с мятежной областью, одуревшей от поборов, не вести вялотекущую «родовую войну» третью сотню лет в каком-нибудь глухом уголке земли. Стоит сорваться лишнему слову о войне – и враг сам придет к ним, в их дом, без единой секунды промедления.

Михаил Викентьевич оскалился хищной улыбкой и хрустнул пальцами, вытягивая руки, сцепленные в замок. Воевать он умел и любил, как и боевой костяк клана. Как и три клана-союзника. Так что старикам-интриганам ничего не перепадет, разве что затаят недоброе и попытаются отыгаться в будущем, на что совершенно наплевать – потому как все против всех затаивают

и пытаются.

На мгновение промелькнула мысль – интересно, если бы его сын остался жив, стал бы он таким же осторожным столичным мудрецом, ради спокойствия и жизни внуков, правнуков? Вместо боя – тепло камина, мелкий карапуз на коленях, цепляющийся за бороду... Князь мотнул головой, отгоняя теплый образ. Не судьба ему проверить.

– Вы лишили меня сына, а я лишу вас всего, – тихо, одними губами произнес он, со злостью рассматривая скопление башен-гигантов в центре города.

Он не боялся прослушки – окна с той стороны выглядели сплошным зеркалом, а усилия тех, кто пользовался аппаратурой снятия звука с поверхности окна, блокировал крошечный механизм, приклеенный десятком резиновых лапок к внутренней стороне оконного стекла, что еле заметно для глаза выводил беззвучный ритм. Хозяин кабинета притронулся подушечками пальцев к прохладной глади и прислушался. Нет, не слышно, только легкая дрожь покалывает пальцы. Зато у наблюдателей на другой стороне улицы гремит в наушниках легендарный протяжный бас: *What a wonderful world*. Чуть хрипловатый, наверняка все-таки помехи... Быть может, так даже лучше – словно со старой пластинки, по которой скользит игла проигрывателя. Во всяком случае, это ощущение куда ярче, чем бесцветные разговоры по эту сторону окна.

– У соперника нет сил для прорыва блокады. С учетом отсутствия существенных запасов продуктов аналитики прогнозируют капитуляцию в течение месяца...

– Нет. Войска отвести, семье Остер принести извинения и выплатить контрибуцию. У них есть потери?

– Трое раненых, господин.

– Обеспечить медицинскую помощь, выделить целителя. Предложить от моего имени восстановить инфраструктуру и несколько выгодных контрактов.

Если семья Остер проявит крупицу сообразительности – будут процветать, а там, глядишь, у Панкратовых появится новый боевой род. Сражаться против армии и умудриться отступить без потерь – дорогого стоит. Таких следовало беречь, неспешно связывая родством и бизнесом, благо меж ними не было трупов –

а значит, и стены злобы.

- Да, господин. По вашему слову.

- На этом все?

- Нет, господин. - Референт слегка замялся, перелистнув страницу назад, и изобразил чтение с листа - неправдоподобно, с его-то идеальной памятью.

Значит, еще одна неприятность.

- Глава рода Колобовых настаивает на личной встрече с вами.

Князь полуобернулся, бросив на слугу вопросительный взгляд.

- Финансисты, банкиры, немного ростовщики. Обитают всей семьей в столице, за два дня до начала конфликта переехали в «Карл Ритц Отель», под защиту императора Германии. Ранее обслуживали счета клана и все его платежи.

- Будет требовать особых условий, - утвердительно произнес Панкратов, вновь отвернувшись к окну, - но нам не нужна дублирующая финансовая структура.

- Если присоединившиеся к клану семьи перенесут активы к нам, они разорятся, господин, - мягко подсказал слуга.

- Собираются препятствовать?

- Уже, господин. Живые деньги своего банка они уже обменяли на мусорные бумаги десятка подставных компаний по всему миру. Обратный обмен возможен только по доброй воле Колобовых, это и будет предметом торга. Иначе все ваши новые вассалы станут нищими.

- Он себя бессмертным считает? - фыркнул князь.

- До родных нам не добраться, а его самого защитит статус гостя, - рассудительно произнес слуга. - В любом случае деньги нам нужнее, чем его

жизнь.

– Репутация важнее денег, – проворчал Михаил Викентьевич, качнулся с пятки на носок, обдумывая решение. – Надо его подготовить к беседе, надавить, вывести из равновесия.

– Авария по пути, господин?

– Ни в ком случае, он гость! Пока едет к нам и от нас – ни единого волоска не должно упасть с его головы! Вот что: поставь перед ним просителя, которого не жалко. Посадите их вместе, пусть поскучают в компании, привыкнут друг к другу. Потом протащим труп просителя прямо перед Колобовым. Желательно аккуратно вскрыть аорту, зажать чем-то и в нужный момент дернуть тело, чтобы кровь попала Колобову на брюки и ботинки.

– Господин, есть подходящий кандидат! – посветлел лицом референт, вновь заскрипев пластиком страниц. – Некто Самойлов Максим Михайлович, девятнадцати лет, из мещан. Директор подрядной компании, обслуживает нашу больницу в Ельниках.

– Он крадет у нас?

– Аналитики пишут, что нет. Расходы сократились на треть. У Самойлова конфликт с новым руководителем больницы, тот хочет забрать бизнес себе. Тем не менее прошение об аудиенции исходит именно от директора. Мы уточнили этот момент – в секретариате больницы о письме ничего не знают. Парень подделал бланк и подпись.

– Или незаметно подсунул директору, обхитрив.

– Тем не менее он желает потратить ваше время, господин, на решение собственных мелочных проблем. Одно это достойно смерти.

Панкратов почувствовал некое внутреннее неудобство – выходило, что парень перспективный и приносит роду деньги. К переводу столь ценного ресурса он относился весьма неодобрительно.

– К тому же парень одаренный, – бодро добавил референт. – Он сможет умирать красочно и долго даже с крупными рваными ранами и лишившись конечностей! Мы можем сделать так, что он взглянет Колобову в глаза, пока его будут волочить мимо.

– Добро, бери в работу. И оформи все красиво – нашего гостя не впечатлит смерть неотесанного бедняка.

– Сделаем в лучшем виде, господин, – уважительно поклонился референт.

Глава 1

Тринадцать лет тому назад

Внимательность заменяет предвидение. Огонек сигареты в темноте подъезда, пьяный смех большой компании, звон разбитой бутылки, стон механизма – любой приметы вполне достаточно, чтобы предугадать неприятность и попытаться ее избежать. Разумеется, если неприятность уже не выбрала вас своей целью.

У младшей группы Верхне-Новгородской школы-интерната тоже были свои приметы, предрекавшие боль и проблемы. Визгливый крик нянечки, глухой звук удара линейки по стене, скрежет переворачиваемых при досмотре тумб. Так себе проблемы – тех, кто не делал в постель, держал руки и ногти в чистоте и не тащил еду из столовой, задевало только краешком, для острастки.

Беда, куда хуже, двигалась вслед за обладателями звонких голосов старшей группы, от скуки и безнаказанности заваливающихся к мелким по несколько раз в день. И если от остальных бед еще можно было уклониться, вовремя встав подальше от виновника и его проблемы, то эта неприятность сама выбирала себе жертву из числа испуганных, сжавшихся в общую толпу детей. На этот раз выбрали меня, вытащили из второго ряда испуганной детской кучи и протащили, упирающегося, за собой. Я прямо слышал, как выдохнула толпа за спиной – лишь бы не их.

Стандартный развод – окружить одиночку и с серьезным видом уговорить сделать то, чего делать категорически нельзя. В моем случае подстава выглядела как две спицы, выглядывающие из розетки. Рядом, на табурете, лежала забытая нянечкой пряжа, из которой и выудили железки – некоторое время ими пофехтовали, потыкали тех, кто не успел вовремя сбежать, затем заскучали и придумали новую забаву. Со мной в главной роли.

– Спорим, одной рукой не достанешь? – нависал надо мной старший, кривя губы в ожидании развлечения.

– Да он слабак! – подначивал подпевала.

– И ничего не слабак, – надувал я щеки, досадуя на собственное невезение. Мне было шесть, что не мешало четкому осознанию: быть жертвой этой четверки – крайне хреново и чаще всего больно. И любое мое действие под их понуканием приближает эту боль.

– Быстро взял! – рявкнули сзади, снабдив подзатыльником. Эдак и нянечка может вернуться, и всему развлечению конец.

Испорченную пряжу повесят на меня – понять это вполне хватило ума. А вот опасности в двух спицах я не видел – как-то не объяснял никто в приюте опасность электрического тока, изредка просто шугая от розеток любопытствующих. Розетка – это было «нельзя подходить», «нельзя трогать» – такое же табу, вроде аптечки или ручек на окнах. Так что я чуть сгорбился и резко зажал спицы в ладошке, сердито пыхтя, и одновременно отчаянно желая, чтобы нянечка вернулась вот прямо сейчас и увидела всю сцену целиком. Да так и замер, закрыв глаза и ожидая развития событий.

– Не работает, что ли? – недоуменно произнес парень справа.

– Свет есть, – неуверенно вторили ему, щелкнув переключателем рядом.

Я с испугом посмотрел на старших, боясь сдвинуться с места.

– Дай-ка... – Главный коснулся было плеча... и тут же резко толкнул меня в сторону стены – не специально, просто парня буквально отшвырнуло от меня,

бросило на пол, где он и замер с испуганным видом, за мгновение до того, чтобы заорать и разреветься.

На крик влетела нянечка, охнула, углядев в первую очередь меня у розетки, и понеслась спасать. Ее отшвырнуло чуть ближе, и в себя она пришла почти сразу, выдав визгливым голосом штук тридцать непонятных слов, из которых несложно было сложить картину будущего наказания. Тогда я вынул спицы из розетки и протянул в сторону нянечки, с извинениями. Как мне показалось, помогло – поток воплей тут же иссяк, сама женщина попятилась от меня, не вставая, затем лихо для своих габаритов перевернулась и убежала за дверь. Пока я размышлял, стоит ли и мне разреветься и что делать со спицами, нянечка уже вернулась с директрисой – высокой, чуть полноватой теткой со злым взглядом и той самой длинной деревянной линейкой.

Директриса медленно оглядывала зачинщиков, скучковавшихся у стены напротив меня, на несколько секунд останавливая взгляд на каждом. Словно угадывая ее мысли, нянечка тут же принималась шептать ей на ухо имя, возраст, номер группы, свои сетования и похвалы. По ее словам выходило, что ребята хорошие и вообще никак не виноваты, наоборот – спасали ребенка-дурня, всунувшего спицы в розетку. Вот тогда я и разревелся – из-за обиды на такое вранье и несправедливость. В шесть лет есть плохие и хорошие, белое и черное, зло и добро, так что негласный союз хулиганов, запугивающих четыре десятка детей, и единственной на этаж нянечки, весьма довольной, что дети не орут, не шумят и слушаются – пусть и ценой безнаказанности четырех уроков, – смотрелся ужасным преступлением.

Дальше помню фрагментами – меня подняли, подвели к кровати, что-то дали выпить, а потом наступило утро следующего дня.

С того дня изменилось решительно все. Нет, меня не ругали и не били – наоборот. Все словно забыли о произошедшем, будто бы и не было ничего вчера. Но новый день все равно разительно отличался от череды предыдущих – во-первых, стали иначе кормить. Рядом с общими столами поставили еще один, на четыре персоны, за которым сидел только я один, а блюда, которые мне предлагала наша скудная столовая, в разы отличалась по качеству и количеству от того, что размазывали по тарелкам остальных. Разумеется, это не осталось без внимания коллектива ровесников – завидовать они уже научились, а думать пока что не очень, предпочитая действовать. К моему искреннему изумлению, разговор в духе «а че ты, вот я тебе сейчас в глаз дам» пресекла четверка тех

самых старших, грамотно отмутузив обидчиков и пригрозив каждому из невольных зрителей повторить то же самое, если кто-то хоть пальцем меня тронет. Я будто бы стал заповедным зверем этого заведения – меня кормили, охраняли, контролировали здоровье. Из недостатков – ежедневный бег утром и вечером, несколько болезненных уколов, отдельная зарядка днем и горькие таблетки вместе с завтраком и ужином. Другой бы обрадовался, я же неким звериным чутьем, необъяснимым ни опытом – которому неоткуда было взяться, ни чем-либо еще – не было никаких явных фактов, которые мог бы понять шестилетний-я, чувствовал недоброе. Каждый день смотрелся братом-близнецом предыдущего, менялись незначительные детали – вроде погоды, еды, мелькающих мимо лиц. А потом прозвучал колокольчик в руках первоклассницы первого сентября – день, в который все мои ровесники пошли в первый класс. А я – нет.

Занятия проводились тут же, в восточном крыле интерната, так что этот знаменательный день я попросту никак не мог пропустить – даже вышел вместе со всеми во двор, строиться прямоугольниками перед белой чертой в составе «а» или «б» класса – смотря в каком из списков окажется моя фамилия. Оказалось, что меня не было ни в одном из них, так что я просто остался рядом с «б» классом, легко рассматривая площадку перед входом поверх голов сверстников – за год индивидуальных занятий я солидно вымахал. Приветственные речи директрисы и небольшой концерт в исполнении старшеклассников уместились в половину часа, после чего первоклашкам уступили право первыми войти в здание – только на этот раз они впервые пойдут не в левое крыло, в жилые комнаты, а в правое. На входе меня и перехватила директриса, легко выдернув из общей толпы, и строгим голосом приказала идти к себе. Так у всех ровесников появился еще один повод для зависти – пока они корпели над уроками, «этот бездельник» мог лежать на кровати. Правда, я-то не лежал, а бегал-прыгал под наблюдением нянечки, тщательно сверявшей все, что мне предстоит сегодня сделать, с планом в зеленой тетрадке. Для соседей по комнате всего этого не существовало, зато был везучий гад, которого давно пора проучить.

Народное возмездие пришло в последний четверг октября, через два часа после отбоя. Устав после очередного многочасового забега вокруг корпуса – мои занятия продолжались и зимой, под зорким взглядом личного надзирателя, предпочитавшего, впрочем, следить из окна, – я предпочел не заметить необычную тишину при моем появлении в общей спальне, проигнорировал колкие взгляды и кривые усмешки, махнул на все это рукой и завалился спать. За что и поплатился – когда на меня резко навалилась тяжесть нескольких тел,

набросили на лицо шерстяной плед и начали осыпать быстрыми, без размаха, ударами, делать что-либо было уже поздно. Крик не прорывался через плотную ткань, руки и ноги надежно прижимали к кровати, не давая пошевелиться. Только дергался, когда по телу проходили особенно болезненные вспышки боли, но этой силы было недостаточно, чтобы сбросить с себя как бы не с десяток ребят. Дальше стало еще хуже – потратив все дыхание на крик, я с ужасом осознал, что не могу вздохнуть – плед прижали слишком плотно. Дернулся на этот раз в откровенной панике, но враги только сильнее навалились, с азартом продолжая «учить» упорствующего гада. А у меня уже шли фиолетовые круги перед глазами и дико шумело в висках. Из последних сил я попытался оттолкнуть своих мучителей, вложив в эту попытку всю ярость, все желание жить и весь свой страх. Результат вышел совершенно дикий – вспыхнуло так, что даже через закрытые глаза и плотную ткань пошли круги перед глазами, резко дернуло, снимая с меня всю тяжесть, дыхнуло паленым и сразу – запахом прошедшей грозы. Секунду царила тишина, тут же сменившаяся детским ором и плачем. Застучали по коридору шаги дежурной нянечки, вспыхнули плафоны над головой, освещая место побоища, в центре которого была моя, изрядно сдвинутая кровать, по обе стороны от которой размазывали слезы от дикой обиды «поборники справедливости». Да и не только от обиды – кого-то кинуло на рамы рядом стоящих кроватей, кто-то ушиб локти при падении и неудачно стукнулся головой. Заквохтала нянечка, рассаживая детей по кроватям, появилась из аптечки зеленка и вата, а я так и продолжал сжимать в руках пропаленный, с темными разводами в нескольких местах, плед, которым меня чуть не задушили. Мыслей не было совершенно – выбило яркой вспышкой, от которой все еще мелькали овалы, стоило резко двинуть головой.

Следующий ор подняла уже сама няня, углядев на руках «невинных жертв» светло-серебристые сеточки узора, протянувшегося от пальцев до плеча. Затейливый рисунок – будто молния застыла, и он ни в какую не хотел отмываться... В животе похолодело, я подобрал ноги и поглубже закутался в одеяло и плед, стараясь защититься от злого, тяжелого взгляда, подаренного мне хозяйкой этажа. Та побуравила меня с полминуты, отмахнулась от оставшихся не замазанных зеленым детей и ушла вглубь этажа. Как оказалось – отправилась вызванивать начальство.

В комнате все более-менее успокоилось, сдвигались на место кровати, шуршали одеяла – сон не шел после такого, вот и ворочались. Для разговоров было слишком много страха, а вместо угроз вполне хватало тяжелого, обиженного дыхания и быстрых, слегка испуганных взглядов. Я встал, чтобы поправить сбившуюся простыню и выровнять кровать, да так и застыл, с тоской изучая

черные пропалины в паркете пола – там, где стояли металлические ножки кровати. Вот за это мне точно влетит.

Ночь выдалась длинной. Голос директрисы вновь выдернул меня из сна – незаметно для себя я умудрился заснуть, привалившись к изголовью. По ее приказу, как был – в тапочках и пижаме, прижимая к себе одеяло и плед, – долгое время стоял в коридоре, пока няня и директор ходили кругами вокруг моей кровати, рассматривая опалины на полу, изучали странные узоры на руках других детей и строгим голосом опрашивали о случившемся. Затем последовал долгий путь по пустым коридорам, подъем на второй этаж, свет фонаря, переход в восточное крыло и вновь ожидание – на этот раз возле приоткрытой двери директорского кабинета. Дверь поначалу закрыли плотно, но тут уже я перепугался – непроглядная темнота неосвещенного коридора давила и ужасала до такой степени, что я замолотил руками и ногами, требуя меня впустить.

Меня не интересовал разговор внутри кабинета, я почти не прислушивался, кутаясь в одеяло и стойко борясь со сном, но кое-что долетало и невольно запоминалось. Меня почему-то нельзя было оставить в старой комнате, и для меня надо найти новое место. Но... у взрослых, как оказалось, тоже множество страхов и запретов. Нельзя переставить мою кровать к старшей группе – «Он там всех поубивает!». Интересно, кто такой страшный «Он»? Нельзя разместить в библиотеке – «Вера Сергеевна расскажет мужу!». В коридоре – «Там холодно». В медпункте – «Нельзя прерывать тренировки!». Или даже тут, в кабинете директора – «Ты смеешься? У меня посетители, мне как работать?!». Брать к себе домой нянечка также отказалась – несомненно, к счастью. Постепенно, перебирая помещения и имена, взрослые остановились на комнате сторожа и неожиданно замолчали. Вся сонная дымка мгновенно исчезла, сменившись ощущением ледяного крошева по спине. Только не туда!

Сторож – страшный человек. Это вам любой скажет. А еще у него шрам через все лицо, вместо ноги – костыль и одна рука к телу привязана! А еще он злобный, камни кидает так, что ровнехонько между лопаток залетает, ни сбежать, ни укрыться! Еще говорят, что он детей ест. И кошек. И собак. Вот к такому человеку меня вели. Вернее, я изображал шаг, буксируемый нянечкой по коридору – то есть вяло перебирал ногами, пока мое тело волокли к неминуемой гибели.

Логово людоеда выглядело уютно – наверное, еще и оттого, что самого хозяина не было, а в воздухе плыл аромат мятного чая. Обычная обстановка: две кровати с примкнутыми тумбами вдоль стен и стол возле окна. Точно такая же, как в медблоке. На столе парила дымком двухлитровая банка с заваркой, укрытая белой крышкой. Лежала развернутая газета с фотографиями незнакомых, красивых людей. На подоконнике сиротливо ютился кипятильник, обмотанный шнуром вдоль и пополам. Больше взгляду не за что было цепляться. Даже по виду кроватей не определить, какая принадлежит сторожу, – одинаково убраны, с аккуратно взбитыми подушками.

– Устраивайся там, – приказала няня, кивнув в сторону дальней от двери постели.

Сказку про Машеньку и медведей нам уже читали, так что я постарался совершить как можно меньше повреждений, устроившись на самом краю кровати, да еще завернулся тем, что принес с собой. Няня только головой покачала и бухнулась прямо на взбитую подушку. Ну и ладно, если что – ее он съест первой.

К приходу главного медведя зубы уже выстукивали нестройный ритм – во-первых, страшно, во-вторых, стена холодная и я изрядно замерз, а пошевелиться еще страшнее.

Неслышно распахнулась створка, впуская главный кошмар окрестных земель – широченного, высоченного, с мордой жуткой и черной тростью в руке, он оскалился в тридцать два здоровенных клыка и прогудел низким голосом, сотрясая стены и пол. Или это я дрожал?

– Машка, опаздываешь, – укоризненно покачал головой сторож, потянувшись здоровой рукой к пряжке пояса.

«Бить будет!» – пронеслось в голове, сам я дернулся, невольно скрипнув пружиной.

Рука сторожа остановилась.

– Это кто? – подозрительно глянул он на меня своими жуткими глазищами.

– Это Максим. Главная приказала разместить у тебя, на время, – встала ему навстречу няня, храбро удерживая монстра за плечи.

– С какой это стати? – В голосе не слышалось ни нотки добродушия.

– Дерется сильно, буйный. Если разозлить, – тут же поправилась, поймав недобрый взгляд. – Нельзя ему оставаться в палате – еще покалечит кого или самого задушат. К старшим, сам понимаешь, тоже никак...

– А мне-то он зачем? – грубо оборвал ее сторож.

– Денег прибавят, за присмотр. Тем более ты ночью все равно не спишь.

Мне показалось или она погладила его по плечу?

– Тебе теперь где «не спать»? – прижал он ее к себе – ненадолго, руку тут же скинули и отшатнулись в сторону.

– Коль, не при ребенке же! Найдем. В спортзале, на матах мягеньких. Придешь? – вильнула она своими телесами, умудрившись потереться о страшилу бедром.

– Дай хоть познакомлюсь с постояльцем, – хекнул тот довольно, выпроваживая няню из комнаты.

– Жду! – мурлыкнуло из коридора.

А я и не знал, что у нее может быть такой голос – отличный от скрежета несмазанных дверных петель или вопля кота, которому наступили на хвост. Мы, помню, как-то специально ловили и проверяли...

– Дрался, говорят? – выдернул из размышлений сторож, уже разместившийся на кровати напротив, поближе к столу. Трость небрежно лежала по правую его руку – мне никак не добраться.

Я замотал головой.

- Били меня, - буркнул, глядя исподлобья.

- Много их было? - Мужик аккуратно перелил чай из емкости в миниатюрную чашечку, словно по волшебству выуженную из-под столешницы.

- Не знаю, не видел.

Тот поставил рядом вторую и вопросительно посмотрел на меня.

- Они голову пледом накрыли и толпой навалились, - выдал я, алчно поглядывая на расписанную синим орнаментом эмалевую чашку.

- О как, интересно. А дальше? - Тот вместо чая закинул в чашечку три кубика сахара, сильно подняв ставки. - Что-то ты целый слишком.

- Не знаю я, - шмыгнул, не желая обманывать. Да я и сам толком не понимал, что случилось. - Их ударило чем-то.

- Да ну? - Сторож выцепил один кубик из моей кружки и кинул в свою.

- Честно! - воскликнул я, не желая терять сладость. - Оно само вышло, мне дышать не давали.

- То есть? - Острый взгляд серых, выцветших глаз вцепился в меня, не давая дышать.

- Сверкнуло и дым пошел, а потом - как после грозы. А ребят отбросило. И черные следы на полу. И плед дымится, - тяжело сглотнул я, сжавшись еще сильнее.

- Плед - тот самый? - указал он пальцем на серо-черный лоскуток, выбивавшейся из моего пододеяльника.

Я торопливо кивнул и быстро сдернул его с себя, стоило ему показать характерный жест.

Грубые пальцы перебирали прожженную ткань, цеплялись за мелкие отметины, перетирали их меж собой. Сторож оглядывал дырочки на просвет, внимательно принюхивался и даже попробовал на язык. После чего плед, к моему сожалению, отправился в угол комнаты. Уж лучше бы вернул – холодно.

– Семь лет, надо же. Это ж как ты их убить-то хотел? – глубокомысленно произнес он, наклоня банку с чаем над второй чашкой.

– Я не хотел! – возмутился я от всей души.

Сторож замер, налив совсем чуть-чуть.

– Не хотел я никого убивать! – вспыхнул я негодованием. – Страшно было и дышать хотелось. Вот и... Само оно, – буркнул, сдуваясь.

– Не хотел убить и даже без ненависти... – уже констатируя, кивнул своим мыслям и еле слышно добавил: – Сильная кровь.

Чай наконец достиг кромки, вызвав чувство сухости во рту – будто кругов двадцать пробежал в летнюю жару. А потом... потом этот гад опрокинул в себя содержимое обеих чашек и с невероятным довольством наблюдал, как вытягивалось мое лицо.

– Это для бодрости варево, тебе ни к чему, – проковыляв к двери, криво ухмыльнулся он. – Устраивайся, малой.

Глава 2

Судьба по соседству

Дверь неслышно хлопнула, разделяя два поколения. Тридцать лет разницы между молодым юношей, полным надежд и энергии, и увечным стариком, который тоже когда-то верил в свою счастливую звезду и совсем не представлял себя никому не нужным калекой, сторожем на мизерном окладе. Тем не менее жизнь распорядилась именно так.

Николай Иванович Росков не родился инвалидом, наоборот – в семье мещан с восторгом и замиранием сердца выслушивали чуть поддатого (как за такое не выпить!) и благостно улыбающегося фельдшера, десятый раз повторявшего счастливой родне: «Ваш сын абсолютно здоров... и он одаренный». Отец, поговаривают, был рад чуть меньше, глушил водку и искоса поглядывал на супружницу – дар чаще всего передавался по наследству, а сам он и все его предки таковым похвастать не могли, так же как и у второй половинки. Дошло бы и до мордобоя, но тут прабабка проскрипела, что ее дед служил у князя Новгорода, и не абы кем, а дружинником. А это значит – ранг «витязь», не меньше. Могло и проклянуться через поколения.

Не был Коля и дураком – оценки не ниже «хорошо», внимательность, отличная память открыла бы ему дорогу в любой университет. Тем более что одаренных брали куда охотнее, делая поблажки во время вступительных экзаменов.

Но кипела в крови жажда приключений, кружило голову внимание окружающих, грели душу восторженные ахи, стоило «потянуться» за родной стихией ветра и слегка похулиганить. Что-то било в грудь, требуя действий, подвигов и новых горизонтов. Николай не мог сидеть спокойно за партой, впитывая знания.

Так что восемнадцатилетие он встретил у вербовочного пункта отряда «Древичи» – самого крупного и известного в Верхнем Новгороде. Слегка пьяный, полный куража, Николай чуть ли не приплясывал, ожидая, пока ему откроет дежурный. Пункт работал круглосуточно, зазывая к себе всех, кто хотел новой жизни или бежал от старой. Главное – дар и отсутствие кровной вражды за спиной. В общем, Коля подходил – о чем ему сообщили, забрав паспорт вместе с подписанным не глядя договором.

Учебка, тренировки, отработка совместных действий, немного математики, химии, физики, десантирование за Полярный круг, посвящение. Десяток операций – для начала в периметре охранения, затем – непосредственно. Первые трупы от собственной руки, шок, таблетки из металлического пенала, адреналин, кураж. Неделя пьяного загула – и все вновь повторяется. Лычки младшего лейтенанта, собственная боевая тройка. Перелеты по всему миру, которые уже не приносят удовольствия, потому что стали работой. Пятнадцать лет выслуги, по шесть-восемь операций в год, новые погоны и пять троек подчинения, солидный счет и мысли уйти в отставку.

А затем – новый вылет, тупиковая улица в железобетонных джунглях Токио и неестественно серьезный паренек в строгом черном костюме возле глухой стены, с алым гербом школы напротив сердца. И пули из шести стволов, которые никак не могли проложить дорожку к вроде бы неподвижному телу. Зло загудел ветер, сжимаясь в хлыст под давлением воли Николая, вспыхнул рожденный даром огонь меж рук его зама Семенцова, дрогнула земля, перекрывая своим стоном близкий гул машин – отряд вовсе не растерялся, уже не в первый раз им доставалась сложная цель, совсем не желающая приблизить выплату призовых. Они попали, все трое – не столь сложно бить по так и не сошедшей с места фигурке. Чистая физика – давление, идеальная среда для горения, каменные стены горнила – все для того, чтобы три стихии, соединившись, ударили на порядок сильнее, чем поодиночке. Отработанная связка, обкатанная не единожды, на этот раз не повредила даже форму на плечах пижона, что так и стоял, рассматривая своих палачей, с непроницаемым восточным ликом. А потом последовал ответ, вычеркнувший из списка живых две трети отряда, превративший Николая в калеку... Ранг «учитель» – это примерно танковый взвод. Танковый взвод, отработавший по узкому тупичку меж двух складов, в который, как оказалось, не они загнали цель, а она привела их за собой.

Очнулся Николай в тюремной больнице – почему-то их не стали добивать на месте, не увезли в родовые пыточные. Просто оставили умирать в каменном крошечке, под завалом из булыжников и арматуры. Новость подарила надежду – «Древичи» своих не бросали, а значит, скоро их должны были вытащить, перевезти на родину, обеспечить целителей и протезирование. Страшно жалко было ноги и очень тревожила непослушная рука, но были бы деньги – и это тоже можно было решить.

От них отказались. Какая-то большая политика, связанная со сближением двух империй. Не было «Древичей» в Японии, не было отряда Николая Роскова, а были бандиты, допустившие разбойное нападение на аристократа из Великого рода. Наказание – гнить до смерти в сыром карцере местной тюрьмы, приговор вынесен и приведен в исполнение. Год в заточении поставил крест на восстановлении ноги, полностью отказала левая рука. Добавился надсадный кашель и отек на ноге здоровой. Забавно, но новая болезнь его спасла. По неведомому перекоосу в мозгах местных, они старательно лечили даже таких приговоренных, как он, чтобы вновь закинуть в камеру и продлить агонию. В санблоке удалось зацепиться языками с санитаром-индусом. Английский, приправленный языком больших денег, помог сблизиться и наладить отношения, а ключ-пароль от одного из анонимных счетов и вовсе сделал их близкими друзьями – достаточно близкими, чтобы направить письмо от Николая курьером

в далекий Верхний Новгород.

Николай заказал «Древичам» собственное спасение – комплекс мер с эвакуацией из режимного заведения в количестве одной персоны и перевозкой домой. В письме очень рекомендовалось дать ему солидную скидку, но не было ни единой угрозы и бранного слова. Скидку дали.

Тем не менее операция обошлась в большую часть отложенных на пенсию средств, остаток же их ушел на лечение – да и то не хватило. Из частной клиники выходил калека с перекрученной энергосистемой тела, не способный ныне ни на что более, чем сметать порывом ветра листья и снег. Так появился в интернате дворник и сторож в одном лице. Тут кормили, была постель (своего жилья не было, а квартиру родителей занял младший брат с семьей), не спрашивали о прошлом и предпочитали не замечать те дни, когда Коля нажирался водкой в хлам, пытаюсь заглушить страшную боль во всем теле, приходившую с каждой резкой сменой погоды. В другом месте давным-давно бы вышвырнули... А тут была даже женщина... на которую он бы раньше и не посмотрел. Сейчас планка изрядно упала, на самое дно, как и вся его жизнь, – так что рад был и такой. Жизнь встала в размеренную колею и неторопливо покатила, съедая день за днем. До сегодняшнего дня.

Сердце лихорадило, отдавая частым пульсом в виски, ладонь правой руки покрылась потом – оттирай не оттирай о джинсы, все без толку. И даже в онемевшей руке будто бы постреливало огненными искрами от напряжения. Последний раз с ним такое было давным-давно, когда цель, пьяная до изумления, решила выползти из-под брони танка и отлить у недалних кустиков. И Николай, тогда еще всего неделю как «дружинник», торопливо выставлял рамку прицеливания, чтобы не упустить свой Шанс.

Сейчас торопиться было некуда, но как объяснить это разошедшемуся воображению, подгоняющему тело идти еще быстрее? Сложно оставаться спокойным, когда тот самый Шанс с большой буквы, что нынче выглядит до крайности обиженным ребенком, сам приходит к тебе – вот так вот буднично, занимая соседнюю койку.

Вообще, сторож хотел банально избить пацана, сразу поставив на место и обозначив старшинство. С местными иначе нельзя, они только кажутся невинными ягнятами, а на самом деле то еще зверье. Отвернешься – украдут, поверишь – обманут, привяжешься – сядут на шею. Даже если новый постоялец

не из таковых, это ничего не меняет. Его просто заставят воровать старшие. Решение только одно – мелкий должен был бояться его больше, чем кого-то другого. А вот как оно вышло-то...

Все дело в том, как парень расправился с обидчиками, а именно в тех мелких деталях, вряд ли известных кому-то, кто не входил в небольшое число одаренных. Один одаренный на десять тысяч – невольно образуется сообщество, выпускать информацию из пределов которого строго не рекомендуется. А если вспомнить, какой мизерный процент из них принадлежит к верховной аристократии и как берегут они свои тайны... В общем, Николай тоже знал далеко не все, но кое в чем не сомневался.

У аристократических родов, насчитывающих более полутысячи лет, может появиться родовая способность – совершенно случайная: боевая или защитная, мирная или созданная убивать. Способность просто по праву крови, ее не надо изучать – будто бы характерная черта, вроде волевого подбородка, только на энергетическом уровне. Изначально умение слабое, на уровне «подмастерья». Однако с каждым поколением сила его растет, если оба родителя нового носителя из числа одаренных, и угасает (или может пропасть вовсе), если кто-то из супругов не владеет даром. За тысячелетия грамотного династического отбора способность эволюционирует в настоящий ужас для врагов, оружие ранга «мастер» или «виртуоз», в настоящий козырь, извлечь из рукава который может кто угодно в семье, вне зависимости от боевого ранга, пола и возраста. Об этом не принято говорить, и уж тем более никто не одобрит разговоров о принадлежности умения тому или иному роду. Только сами аристократы, из числа высших, следят за Силой Крови, выпальвая любые упоминания о них в газетах и книгах, на радио и по телевидению. Эта тема – табу для обсуждения.

Потому две клуши – директриса и Машка – вряд ли сообразили, что они видели. То, что парень одаренный, – знали несомненно, а вот что это не простой пацан, мамка которого согрешила с аристо и сдала в детдом плод короткой страсти, – понимать не могли.

И уж тем более не знали, что ключом к Силе Крови являются чистые эмоции. Чем сильнее любовь, любопытство, ярость, ненависть – тем сильнее раскручивается в теле спящая мощь поколений. А ведь парень – Максим, кажется? – так вот, парень своих обидчиков даже не ненавидел – злился, да... Значит, ударил крупницей силы – из океана, которым его наградила целая прорва благородных поколений за спиной.

Как же так получилось, что аристо оказался в интернате? Да в общем-то невелика тайна. В период родовых войн всех новорожденных принудительно оформляют под чужими именами и фамилиями, вписывая в графу «родители» отказ от материнства. Все для того, чтобы палачи противоборствующей стороны не убили младенца.

Государственные клиники находятся под протекторатом императора, но они – совсем не крепость, и не стоят у дверей «мастера» и «виртуозы». А тех, кто нападет, еще требовалось поймать и обвинить... Жестоко, грязно – разумеется. Но если представить, что вот такая прелесть вырастет, направляемая ненавистью к убийцам родителей, и в один солнечный день накроет Огненным Штормом Родовой Силы имение своих обидчиков, со всеми, кто в нем находится, в том числе и детьми... Тут-то и задумаешься, выбирая – одна невинная чужая жизнь сейчас или сотни твоих родных, столь же невинных, после.

Потому и переименовывали детишек, указывая неодаренными, не записывали в журнал матерей – все для того, чтобы дать шанс выжить, убрать из огня войны.

Родная мать, разумеется, знает имя своего ребенка и легко найдет его потом, когда угроза жизни малышу пройдет, вот только... иногда тайна уходит вместе с матерью. И появляется такой вот круглый сирота – Максим. Никому не нужный ребенок, судьба которого – раз проснулся дар – украсить своей персоной вооруженные силы императора, отработывая потраченные на его содержание деньги... Если только добрый-добрый дядя Коля не устроит ему воссоединение с родней гораздо раньше – разумеется, за огромное вознаграждение. Почему-то Николай не сомневался, что у рода с такой Силой Крови вознаграждение будет именно огромным.

Коля отер рукавом лоб и отдышался перед очередной лестницей, на этот раз – на третий этаж, туда, где был архив с картотекой дел воспитанников. А Машка потерпит, никуда не денется...

Перед сторожем нет закрытых дверей – и связка с ключами на поясе тому лучшее подтверждение. Аккуратно провернулась личинка замка, затрепетали разогревающиеся прямоугольники ламп, освещая десяток поставленных поперек длинной комнаты стеллажей. Николаю не нужна была фамилия

паренька – много ли Максимов на потоке? Примерный год рождения он прикинул, так что задача отыскать личное дело его Шанса и найти в нем группу крови и номер родильного отделения представлялось не такой и сложной задачей. А дальше – наведаться туда, порасспросить: может, искал кто мальчугана. С чего-то нужно было начинать, какие-то данные иметь на руках, чтобы действовать самому или просить об услуге старых знакомых.

Стойка с одногодками нашлась довольно быстро. Только вот не было среди поименованных картонных папок ни одной с именем Максим.

– Может, с годом не угадал? – буркнул Коля, почесав переносицу.

В соседней стойке Максимы действительно были, только им уже стукнуло по двенадцать, да и выглядели они – на черно-белых фото «три на четыре», прицепленных к делу, – совсем не так, как его сосед.

Ничего страшного, есть общие журналы, есть журналы выделения довольствия и постельного белья, есть прививки, наконец! Николай полностью погрузился в поиски.

Через полтора часа он привел картотеку в прежний вид, выключил свет, неспешно закрыл дверь и только потом позволил себе крепкое слово и удар по стене открытой ладонью да так и замер, опираясь рукой. Не было Максимки. Будто не существовал никогда.

Тем не менее в его комнате сидел означенный паренек. Он жил тут, учился, спал, дрался. Значит, информацию просто изъяли – поделилось подсознание ответом.

Несложно определить, кто это сделал, – власти на такое хватило бы только директору, по его приказу, с его участием. Гораздо сложнее – зачем? Сложный вопрос, немного нервный, как и в любом другом случае, когда кто-то, пусть и не зная того, лезет в твои планы.

Николаю парень был нужен, чтобы отдать родне и получить свою награду. Для этого не нужно прятать документы, скрывать и заниматься подлогом. Воссоединение с семьей – что может быть законнее и проще? Капелька крови, анализ ДНК, адвокат в хорошем костюме – и государство легко откажется

от иждивенца.

Директрисе нужен был... одаренный? Не учтенный государством, прощмыгнувший из-за особенностей рождения мимо отлаженного механизма определения дара...

«Нет, не вяжется, – качнул головой Коля. – Его проще легально усыновить, как обычного ребенка без дара. Новых родителей будет обожать, получится ручное оружие, которое потом легко можно продать».

Ерунда получалась: как бы ни прикидывал – не находил причины досрочного изъятия целого человека из списка живых. Все было гораздо проще решить парой-тройкой липовых справок, подписью и оттиском печати.

А ведь у директора должны быть сообщники. Такое в одиночку никак не скрыть, кто-то должен присматривать и отгораживать паренька от лишних расспросов. Машка, например.

Имя встроилось в общую систему идеально, тут же понизив градус настроения на пару пунктов. Вспомнились иные постельные разговоры, в которых разомлевшая подруга рисовала картины совместной жизни. Николай угукал и отмалчивался, но в общем-то был не против – кому он такой еще будет нужен? Выходило, что для кое-каких дел их отношения были недостаточно близкими. Или Машку запугали.

Покрутившись на лестничной площадке, маясь тяжелыми мыслями, которые два часа назад и представить не мог, Николай сделал следующий шаг. Вернее, спустился на пролет вниз и уверенно шагнул в темноту коридора, по памяти следуя к кабинету директора. Бывал он там частенько, не по служебным делам, а в приятной женской компании – Машке почему-то нравилось делать это на столе начальницы, а Николаю в общем-то было наплевать.

Нужный ключик нашелся почти сразу – так как отличался от остальных основательностью и рельефом. Что совсем не помешало открыть дверь за секунду, нащупать выключатель и напряженно всмотреться в знакомую обстановку с Т-образным столом для совещаний, во главе которого находилось массивное рабочее место директрисы, с кожаным креслом под портретами здравствующего императора и князя Верхнего Новгорода. Занавешенные окна

скрывали улицу от Николая и Николая от улицы, левую стену занимали два серванта, разделенные напольными часами. Изношенный паркет успешно скрывал красно-черный ковер. Будто не интернат, а кабинет чиновника. Зато характер сразу читается, вместе с амбициями. Такая вполне могла пойти на подлог.

Николая привела сюда скорее интуиция, чем доводы логики – та с негодованием отнеслась к мысли, что украденное личное дело можно прятать вот так нагло, а интуиция просила не торопиться с оценкой разумности некой особы.

«Не домой же ей нести такие бумаги?» – пронеслась робкая мысль.

«В анонимную сейфовую ячейку положить, раз сжечь нельзя!» – по-армейски гаркнуло в ответ.

Тем не менее Николай все же решил проверить. Снял обувь у входа – грязная, еще наследит на ковре – и неспешно подошел к княжескому портрету. Именно за холстом с мудрым ликом Ярослава Семеновича хозяйка кабинета оборудовала себе небольшой сейф в личное пользование. Машка как-то хвастала – а он запомнил, отметив заодно странную информированность подруги.

Массивная, окрашенная под позолоту рама с портретом переместилась на пол, открывая доступ к белому прямоугольнику двери с механической ручкой-«бабочкой» и отверстием под ключ. От сердца слегка отлегло – была бы хитрая электроника или вензель Демидовых в уголке дверцы, то проще было бы уйти, убедив себя, что не могла быть начальница такой дурой... А так – ухмыльнулся Коля – посмотрим, на что он еще способен.

Взлом сейфов – вообще не его профиль, но это даже сейфом было сложно назвать. Так, пародия в расчете на случайных воришек, а скорее – деталь интерьера, чтобы дополнить образ большого босса. Всего дел – прикинуть расположение подпружиненной детали, которой блокируется засов замка от перемещения, и «надавить» на него стихией, даже покореженного дара на такое хватит. Щелк – и тяжелая, вроде бы надежная дверь легко распаивается к полному его удовольствию.

Дохнуло приторным запахом духов из открытого флакона у самой дверцы. Николай аж отшатнулся – еще не хватало, чтобы Машка унюхала, – и, подцепив

двумя пальцами флакон, вытянутой рукой отставил его на дальний край стола. На обратном пути прихватил стул – проще рассмотреть содержимое сейфа сверху, не прикасаясь к нему.

Внутри – бумаги, сцепленные скрепками, уложенные в цветной пластик файлов, аккуратно сложенные стопкой. У левого края несколько миниатюрных кассет и черный корпус диктофона – все в прозрачном файле. Две пухлых пачки с алыми банкнотами у задней стенки, укрытые еженедельником от случайного взгляда.

А на самом дне сейфа, под другими бумагами, проглядывал серый картон личного дела – точно такой же, как у сотен папок в архиве.

Еще десяток минут Николай внимательно рассматривал содержимое, впечатывая в память расположение каждого листочка, каждого изгиба пластика – после его ухода все должно выглядеть абсолютно так же. Мысль, что он уже перешел ту грань, что отделяла простое любопытство от взлома с проникновением, вынуждала действовать максимально аккуратно. Визит в кабинет еще можно было как-то объяснить – мол, услышал шум, звон стекла, решил проверить... а вот насчет сейфа придется объяснять уже прокурору. Потому он и стоял, то закрывая глаза, чтобы восстановить содержимое по памяти до последней детали, то открывая вновь, сверяя запомненное с реальностью. Когда Николай уверился, что запомнил все точно, рукой аккуратно поддел за самый низ, чтобы протиснуть под основание горки бумаг ладонь, и медленно перенес все на стол. Далее – разложить все послойно, «размазав» содержимое по плоскости стола. И последним аккордом – скинуть с себя кофту, подоткнуть ею низ двери, чтобы свет не пробивался в коридор, и закрыть дверь на ключ.

Чтение получилось... занимательным. Настолько, что Николай, еще не просмотрев и трети бумаг, начал беззвучно повторять: «Сволочи. Какие же они сволочи».

Информация никак не укладывалась в голове. Они же женщины! Даже дикие звери жалеют младенцев, а эти... сложно слово подобрать. Николай никак не мог назвать себя «чистеньким», но в такую откровенную грязь ни он, ни его отряд в жизни не лезли.

Если убрать эмоции... с-суки, какие они все же с-суки... Так вот, если все-таки убрать эмоции... Есть у одаренных логичная в общем-то особенность – тело под влиянием дара изменяется, привыкая пропускать через себя энергию, усиливается для восприятия нагрузок. Характер изменений индивидуален, как рисунок радужки или отпечаток пальца, влияет на него все: возраст, стаж, стихия, частота практик, наследственность, любимые заклинания и еще сотня других причин. Дар рисует внутри тела уникальную картину энергетических линий и их взаимодействия – поэтому, потеряв ногу, Николай практически утратил над стихией контроль. Теперь представьте, что в результате травмы, болезни или старости какой-то орган выходит из строя – одаренные не бессмертны и подвержены болезням, хоть и в куда меньшей степени, чем обычные люди. Можно обратиться к Целителям – они помогут, но тоже далеко не всесильны. Иногда нет другого выбора, кроме трансплантации органа.

И вот в тело одаренного, в его энергетическую структуру, в картину дара, вставляют осколок чужого тела. Если это орган другого одаренного – эффект будет похлеще забитого в зеркало гвоздя. Разве что сын поделится с отцом почкой или частью кожи, но только при условии, что они практиковали одинаковую стихию... и далее по списку. Без гарантий. Поэтому трансплантируют от обычных людей. В отлаженном механизме появляется крайне хрупкая деталь, сродни глиняной шестеренке в чугунном механизме паровоза. Чуть напряжешься – и разлетится в клочья, обрывая жизнь хозяина. Прирабатывать новую деталь придется очень долго, и чем больше возраст, тем капризнее дар относится к поврежденному полотну тела.

Но давайте представим невозможную ситуацию – хорошо развитого, спортивного, абсолютно здорового одаренного, который к четырнадцати годам так толком и не коснулся своего дара. Его тело пронизано энергией, но из-за отсутствия практик вместо картины дара – чистый холст. Вырезай и латай любое старое полотно – рисунок на нем восстановится сам... и никаких ограничений на пользование даром.

Невозможная ситуация, совершенно. Во-первых, парень должен пройти мимо проверки на дар при рождении, при поступлении в детский сад, в школу и далее – на школьных медосмотрах. Во-вторых, соблюдать диету, заниматься спортом, быть достаточно интеллектуально и духовно развитым. В-третьих, не пользоваться силой, не тренироваться, не осознавать себя одаренным вовсе – иначе ведь сам потянется к стихии, не удержится. Невозможно, тем более при соотношении одаренных один к десяти тысячам.... Невозможно, особенно

с учетом пристального внимания СИБ... Или очень, очень дорого. Какие же они все-таки сволочи, Максимка...

Николай в свое время очень плотно интересовался этой темой – сам ведь калека, но даже его воротило от мысли убийства ребенка ради обретения ноги или руки. Это надо быть совершенно повернутым головой, пресыщенным властью и беззаконием, чтобы равнодушно ждать, пока для тебя вырастят новое сердце, печень, почки. Эхом пронеслась мысль – куда же он вляпался?..

Куда более спокойно он прослушал записи на миниатюрных кассетах – диктофон показывал почти полный заряд, так что Николай понадеялся, что хозяйка спишет отсутствие одного деления батареи на саморазряд... если вообще заметит. Говорила только Машка, прямым текстом выдавая планы в ответ на вроде бы безобидные вопросы своей начальницы. Если послушать, то представлялось, будто единственным и главным организатором всего была именно дородная нянька. Директриса явно подстраховывалась, ступая по скользкой дорожке. Правда, ей эти записи вообще не помогут: стоит вылезти краешку правды – убьют всех. Причастных, нечастных, его – Николая, выжгут весь интернат. Заказчик не даст СИБ и шанса на зацепку. Потому что есть такие преступления, что не поможет ни титул, ни деньги, ни старые заслуги, ни собственная армия – такую гниду придут убивать все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vladimir-ilin/napryazhenie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)